

ПИСЬМА КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ*).

I. Къ князю А. Б. Куракину.

Писано до воцареніи Павла Петровича.

1.

1782. 1 Марта, Болонья.

Я не дала вамъ никакихъ извѣстій о моемъ мѣстопробываніи, дорогой кузень, чтобы имѣть предлогъ написать вамъ отсюда и повторить увѣренія въ почтеніи и искренней дружбѣ, которую я къ вамъ издавна питаю, и которая можетъ, конечно, только возрасти, чѣмъ больше узнаешь. Это и оправдывается на мнѣ: при послѣднихъ нашихъ свиданіяхъ я нашла новыя основанія любить и уважать васъ, и я надѣюсь, когда мы хорошенько устроимся въ Петербургѣ, я буду часто наслаждаться вашимъ обществомъ, и вы не будете считать меня такой ужь буквой. Вы согласитесь, если я не была всегда въ веселомъ настроеніи, это потому, что положеніе мое до сихъ поръ было тягостнымъ и непріятнымъ, чтобы не сказать болѣе, и другой пріобрѣлъ бы ненависть къ роду человѣческому, который я люблю, хотя 20-лѣтній несчастный опытъ не способствовалъ этому. Наконецъ, если справедливо оцѣнить моихъ дѣтей такъ, чтобы они были счастливы, и оставить меня хотя бы въ покоѣ, вы всегда найдете во мнѣ пылкаго и постоянного друга, нѣжную, но просвѣщенную мать, рѣдкую женщину, которая не желаетъ ничего лучшаго, какъ быть веселой и въ мирѣ со всѣми, какъ и сама съ собой.

Я не оправдываюсь въ томъ, что нацарапала и царапаю; я пишу, какъ говорю, безъ прикрасъ, чистосердечно; не думайте найти, что

---

*) Переведено съ французскаго изъ 14-й книги „Старины и Новизны“, съ любезнаго позволенія В. П. Смольянинова. Въ письмахъ знаменитая княгиня выражаетъ себя гораздо подлиннѣе, нежели въ своихъ Запискахъ. Зачѣмъ она вошла въ сношенія съ другомъ Павла Петровича и зачѣмъ писала не порусски, надо догадываться. П. Б.

либо кромѣ рапсодій въ моей перепискѣ, которой прошу придать правильность и постоянство. Объяжайте мнѣ по прочтеніи сжигать мои письма: тогда я буду писать вамъ свободно и съ удовольствіемъ.

Я провела два съ половиной дня съ кардиналомъ Легà, который безспорно одна изъ умнѣйшихъ головъ Италіи. Онъ очень снисходителенъ ко мнѣ, а это, признаюсь, нисколько не вредитъ въ людскихъ отношеніяхъ. Возможно, что онъ пріѣдетъ въ Петербургъ; таково по крайней мѣрѣ его желаніе, и онъ превосходно выразился, говоря объ Императрицѣ: это, сказалъ онъ, женщища, которую нельзя не повиждать; въ противномъ случаѣ пришлось бы упрекать себя, какъ въ непростительномъ поступкѣ въ томъ, что не видалъ ея, будучи ея современникомъ.

Кстати, вы увидите въ Тосканѣ архимандрита Фокшани, который, оказавъ въ послѣднюю войну большія услуги нашей арміи, потерялъ вслѣдствіе этого свой монастырь и блестящее положеніе; по какому-то подозрѣнію Потемкина онъ былъ очень плохо вознагражденъ. Это очень умный и талантливый человѣкъ; я весьма рекомендую вамъ его. Будьте его заступникомъ; представьте его Ихъ Императорскимъ Высочествамъ и передайте ему мой привѣтъ, такъ же Вадковскому и Плещееву. Желая Салтыковымъ много здоровья и терпѣнія. Надѣясь въ Петербургъ найти въ нихъ тоже расположеніе, которое, какъ мнѣ казалось, они имѣли къ моимъ дѣтямъ и ко мнѣ. Я съ нетерпѣніемъ желаю ихъ возвращенія, тѣмъ болѣе, что Петербургъ очень чуждъ мнѣ. Онъ всегда былъ такимъ, съ тѣхъ поръ какъ я перестала быть ребенкомъ, и общество ихъ тамъ будетъ для меня драгоцѣнно.

Кардиналъ Легà, послѣ того какъ я написала эти строки, поручаетъ мнѣ просить васъ предупредить его заранѣе о пріѣздѣ Ихъ И. В., чтобы онъ могъ приготовить лошадей.

Прощайте, мой дорогой кузенъ, будьте здоровы и вспоминайте иногда о той, которая никогда не перестанетъ быть, съ полнѣйшимъ уваженіемъ, вашей покорной слугой и другомъ.

2.

1782. 2 Октября. Пиза.

Лыцу себя надеждой, что мой любезный кузенъ, князь Куракинъ, не совсѣмъ меня забылъ, и что моя дружба къ нему извинитъ въ глазахъ его эти строки, обращаемя къ нему по просьбѣ отъ Компасси. Этотъ человѣкъ питаетъ въ душѣ благодарность и восхищеніе передъ Россіей, хотѣлъ бы имѣть счастье поцѣловать руку Е. И. В. Великаго

Князя. Онъ бѣденъ, у него прекрасный еще голосъ: вотъ его достоинства. Обратите на нихъ вниманіе Е. И. В. и какаянибудь полсотня червонцевъ осчастливитъ бѣднягу.

Надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ либо въ Венеціи, либо въ Вѣнѣ и представиться ко двору Ихъ И. В. Могу ли я осмѣлиться передать имъ черезъ васъ мое глубокое почтеніе? Я не имѣю счастья знать Великую Княгиню; но по всему, что я о ней слышала, она уже приобрѣла мое почитаніе. Великій Князь не узнаетъ своего крестника: настолько онъ выросъ и возмужалъ. Если онъ будетъ осчастливленъ покровительствомъ В. К., я не буду сожалѣть, что недостатокъ значенія нашего уважаемаго Никиты Ивановича *) оставляетъ его безъ всякой опоры. Лыщу себя надеждой, что Его И. В. увидитъ, что онъ ничѣмъ не пренебрегъ, чтобы стать способнымъ служить ему, когданибудь настолько же успѣшно, насколько онъ всегда будетъ усерденъ въ своей службѣ.

Моя дочь присоединяется къ своему брату, чтобы напомнить вамъ о себѣ; они радуются васъ снова увидѣть, такъ же какъ и мамаша, которая остается съ полнымъ почтеніемъ, князь, ваша слуга и искренній другъ.

3.

1796 г. 29 Ноября. Село Троицкое.

Я надѣюсь, вы извините меня, дорогой кузень, что я немножко надоѣдаю, обращаясь къ вамъ, но я такъ боюсь имѣть видъ будто я уклоняюсь отъ моихъ обязанностей, что я не могу не воспользоваться вашей старинной ко мнѣ дружбой, для исполненія слѣдующихъ порученій.

Первое, передать Его Величеству, нашему милостивому Государю, мое поздравленіе и изъявленіе преданности. Я сдѣлала бы это сама, если бы не думала, что у Е. И. В. множество дѣла и безъ чтенія моего письма, о чемъ свидѣтельствуютъ всеобщія народныя милости, которыя онъ изливаетъ на свое государство.

Второе, поблагодарить его за увольненіе меня на покой, котораго настоятельнѣйше требуетъ мое здоровье.

Я присягнула ему, еще не зная, что не нахожусь болѣе на службѣ; но все же не перестану возносить мольбы о его благоденствіи, хотя я вновь веду частный образъ жизни, который, женщина больная и сраженная горемъ должна предпочитать всему. Я знаю образъ

*) Графа Панина, который тогда доживалъ свой вѣкъ. П. Б.

мыслей и просвѣщенное воспитаніе Е. В., которое было направлено къ тому, чтобы заставить его любить справедливость и добродѣтель. Поэтому я надѣюсь, что, когда Е. В. сравнитъ прохождение моей службы съ тѣмъ, какое было, къ несчастью, довольно обычнымъ, онъ обратитъ ко мнѣ свое благоволеніе: нужно отдать мнѣ справедливость, что среди всяческихъ хищеній я сдѣлала однако около полу-миліона сбереженій для Академіи Наукъ и Россійской Академіи, основательницею которой я была и, не взявъ ничего изъ причитавшагося мнѣ жалованія въ 5.000 рублей, имѣла счастье оставить ей 50.000 р. наличными деньгами и два каменные дома, построенные на ея средства.

Я желаю лишь уваженія моей службѣ, которую я имѣю отъ честныхъ людей. У меня нѣтъ ни пенсіи, ни богатствъ; но, привыкнувъ сокращать потребности до необходимаго, я ничего кромѣ этого не желаю. Будь въ живыхъ вашъ дѣдъ-дядя, онъ отдалъ бы мнѣ справедливость въ другомъ событіи и въ моемъ поведеніи, которымъ я заслужила его уваженіе и о которомъ мы поговоримъ, когда я буду имѣть удовольствіе васъ видѣть¹⁾.

Мое третье порученіе извиниться передъ г. Донауровымъ, отъ котораго я только что получила письмо, извѣщающее меня, что Е. И. В. велѣлъ ему заявить мнѣ, что я уволена отъ Академіи какъ Наукъ такъ и Россійской²⁾. Я бы тотъ же часъ отвѣчала о полученіи сего, также какъ я графу Самойлову писала, но, не имѣя чести господина Донаурова знать (а живу я за 110 верстъ отъ Москвы), не могу свѣдать здѣсь объ отцествѣ его и чинѣ. Бога ради, меня извините передъ нимъ и увѣрьте его, что, если-бъ я не считала за неучтивость безъ имени и отчества къ нему относиться, то бы я, всеконечно, о полученіи его письма съ должнымъ уваженіемъ его увѣдомила. Я прилагаю при семъ копію письма, которое я написала нѣсколько дней тому назадъ г. Самойлову³⁾, для того, чтобы вы узнали въ немъ, мой милый

¹⁾ Намекъ на „Петербургское дѣйство“, участіе въ которомъ княгиня Дашкова сильно преувеличивала, когда это было выгодно: въ ночь на 28 Іюня она спокойно спала дома и явилась къ Екатеринѣ уже тогда, когда та изъ Казанскаго собора перешла во дворецъ. Сама Екатерина писала Понятовскому, что шесть мѣсяцевъ была въ сношеніяхъ со всѣми вождями заговора, прежде чѣмъ Дашкова узнала хоть одно имя.

²⁾ Княгиня Дашкова была отставлена отъ всѣхъ должностей 12 Ноября 1796 г., т. е. черезъ пять дней по воцареніи Павла.

³⁾ Письмо княгини Дашковой генералъ-прокурору Самойлову: „Милостивый государь мой, графъ Александръ Николаевичъ. Прошу ваше сіятельство сдѣлать мнѣ одолженіе донести Правительствующему Сенату, что я получила указъ Его Императорскаго

кузенъ, ту, которая, старая и немощная, всегда неизмѣнна къ своимъ старымъ друзьямъ.

Выполнивъ сейчасъ то, что я была должна, чтобы успокоиться по отношенію къ г. Донаурову, обращаюсь къ вамъ съ моимъ четвертымъ порученіемъ: доложить Е. И. В. Императрицѣ мое нижайшее почтеніе и поздравленіе. Теперь васъ искренне поздравляю и желаю всевозможнаго благополучія. Всѣ честные люди будутъ радоваться, когда станеть преуслѣвать человекъ честный и съ такимъ благороднымъ образомъ мыслей, какъ вашъ. Не забудьте, что уже годъ какъ вы обѣщали достать мнѣ портретъ Е. И. В. Государя. Достаньте мнѣ, пожалуйста, портретъ и супруги его, Императрицы, и я съ удовольствіемъ и признательностью уплачу вамъ, что они вамъ будутъ стоить.

Черезъ три или четыре дня я покину свое прелестное убѣжище, чтобы ѣхать въ Москву, хотя я хромаю, и бываютъ минуты, что отъ схватокъ въ ногахъ бываютъ у меня невыразимыя боли. Я въ Москвѣ усядусь на диванъ, и тамъ друзья и многочисленная родня, своими стараніями выразить мнѣ свою дружбу, заставятъ меня забыть, что я дѣлаюсь, подобно Скарону, калѣкою, не имѣя въ утѣшеніе талантовъ, которыми онъ обладалъ.

Прощайте, дорогой кузенъ. Прошу васъ, продолжайте свою дружбу ко мнѣ; мою же вы давно пріобрѣли вмѣстѣ съ самымъ душевнымъ уваженіемъ, съ которымъ пребываю, князь, вашей покорной слугой и кузиной. Княгиня Дашкова.

Величества, по которому всемилостивѣйше увольняюсь отъ бремени, по болѣзнямъ моимъ неспособнаго мнѣ, чѣмъ я считаю себя облагодетворенною. При семъ случаѣ примите увѣреніе личной моей къ вамъ дружбы и почтенія, съ которымъ пребуду на всегда вамъ, милостивый государь мой, покорная служанка, княгиня Дашкова. Село Троицкое. 26 Ноября (1796).